

Дмитрий Ахметшин

*Здесь холодные замки пусты,
Станиц ровные вечера просят,
Тени бродят среди тайноты,
Молодильнице яблоки жуют...*

**Одна из тех, кто любит вещи,
но терпеть не может людей**

Дмитрий Ахметшин
Она из тех, кто любит вещи,
но терпеть не может людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28534888

SelfPub; 2017

Аннотация

Любите ли вы посещать антикварные магазины? Знакомо ли вам особое чувство, когда вы держите в руках вещь, которая на много лет старше вас и которую держали в руках Бог знает, сколько людей? Возможно, этот рассказ для вас...

Рассказ.

Стихи – Софья Сыромятникова.

Привычно крикнув, Варя отворила большую деревянную дверь.

– Йо, – сказала она, и Гецель кивнул, не оборачиваясь. Он сидел спиной к дверям, на корточках, смахивая пыль с медного подноса, где сгрудились изящные фарфоровые чашки. Каждую из этих чашек он поднимет и посмотрит на свет, скудный свет, пробивающийся сквозь занавешенное бордовой шторой оконце, каждую протрёт шерстяным лоскутом. У одной отколот край, и Михаил Иванович привычно нахмурится.

Этот ритуал будет продолжаться до тех пор, пока чайный набор не уйдёт «с молотка» какой-нибудь милой старушке, сражённой васильками на лакированных фарфоровых боках. Тогда объектом пристального внимания старого Гецеля будет служить что-то другое. Зеркало с едва заметной трещиной, но весьма необычной формы. Набор фигурок из дутого стекла...

Варя прошла в каморку за прилавком.

– Мы открываемся, – каркнул ей вслед Гецель. – Зажги вывеску.

Здесь один-единственный стол, заваленный хламом, рам-

ка с комплектом увеличительных стёкол, каталоги с белыми обложками, несколько книг, в том числе огромный, пыльный и уродливый том по истории современной музеологии, настольная книга любого торговца антиквариатом. У дальней стенки – термопот и узкая лежанка с похожей на бетонный блок подушкой. Комфортно в камерке мог находиться только один человек, и сейчас, когда старый хозяин сам хочет постоять за прилавком и приветствовать постоянных клиентов, она целиком и полностью принадлежала Варя.

Девушка повесила сумку на спинку стула, щёлкнула автоматическим выключателем, вышла наружу, чтобы повесить на дверь (которая сама по себе имела антикварную ценность) таблички «ОТКРЫТО. Добро пожаловать!» и «Тянуть НА СЕБЯ и тянуть СИЛЬНО!». Выкурила сигарету – третью за утро – разглядывая себя в витрине булочной напротив. Маленькая девчушка с подвижными, почти крысиными чертами лица, с забранными в тугий узел чёрными волосами и почти всегда недоумённо вздёрнутыми бровями. Слегка сутулится. Варя не пыталась с этим бороться. Она думала: «Что скрывает твой образ, о луковый паж? Ты смиренно ждёшь часа, когда подрастёшь...»

Да, именно.

В десять двадцать пять пожаловал первый покупатель. Варя расставляла по году издания книги на полке у окна, поэтому заметила его издалека. Хозяин заставляет плясать её у книжного шкафа раз в три дня. В прошлый раз потемнев-

шие от времени кирпичи нужно было выстроить по алфавиту, причём «Баиф должен идти прежде этого сухаря Бабича».

Словно учуяв старого клиента, Гецель спросил:

– Ты подготовила часы с огородником? С минуты на минуту должен пожаловать Моше. Он звонил вчера.

– Конечно, дедуля. Сейчас принесу.

– Я тебе не дедушка! Ей-богу, за такие шуточки мне придётся тебя когда-нибудь уволить! Сколько раз повторять, что...

Но Варя уже скрылась в каморке, где со вздохом взялась за часы.

– Сам ты огородник, – бурчала она. – Совсем, что ли ослеп? Ребёнок сбегает из дома.

Это массивные настольные часы производства Эрнест Магнин, французской часовой мануфактуры, из дерева и бронзы. Циферблат круглый, с обычной 12-ти часовой индикацией и крошечной секундной стрелкой. Часы венчала фигурка ребёнка в смешных широких шортах на подтяжках, который, поставив на циферблат одну ногу, вглядывался в даль. На его голове была шляпа, а в руке – посох, который дедуля Гецель, не разобравшись, обозвал лопатой.

Прежде чем запаковать часы в хрустящую бумагу (старый Моше всё равно разорвёт её под хмурым взглядом хозяйки и внимательно осмотрит покупку), она достала из нижнего ящика стола баночку с исчезающей краской, а из пенала – кисть. Набрала в стакан воды из термопота. Включила в

сеть рефлектор Минина, в простонародье «синюю лампу». Полился тёплый свет, который Варя направила в потолок, положив лампу на стол. Она ещё понадобится.

Обмакнув кисть в краску, она развернула часы и над латунной табличкой с данными завода-изготовителя вывела две строчки про лукового пажа. Полный стих был достаточно длинным, он бы здесь не уместился. Но хватит и пары строк, осколка её, Вариного, сердца, промокшего котёнка, который найдёт свой дом среди чужих вещей.

– Варвара! – раздался скрипучий голос Гецеля, сопровождающийся звяканьем дверного колокольчика. – Рэб Моше пришёл! Давай, неси сюда эти грешные часы!

Варя поздоровалась с покупателем, поставила перед ним свёрток и, не оглядываясь, вернулась в коморку. Села на скрипучий стул, откинулась на спинку, стала смотреть, как трепещет от слабого сквозняка там, высоко, паутинка. Она сама чувствовала себя паучихой. Вязь букв, переплетения слов и смыслов, в которые ловится только пыль, но есть небольшой шанс, что рано или поздно там окажется Вечность. С большой долей вероятности их никто никогда не прочтёт, но Варю это не волнует. Больше всего на свете она любит вещи, и именно вещам предназначены эти дарственные надписи.

Вещи – это живая история. Честнее вещей нет ничего. Век людей короток, и всё что они оставляют после себя рано или поздно оказывается здесь. Если, конечно, не истлева-

ет за время испытательного срока, который иногда зовётся «сроком службы»... Один парень говорил Варя, что важно только то, что и кому мы говорим. Только слова, мол, могут заставить сердце пуститься вскачь. Слушая его, Варя скептически опускала уголки рта. Слова не обязательно произносить. Им куда лучше будет, например, в сундуках книг.

Посмотрев на неё, тот парень сказал:

– Беру свои слова обратно. Сомневаюсь, что твоё сердце хоть что-то способно заставить бегать трусцой.

Но даже в ларце для своих слов Варя не нуждалась. Она держала их в голове, иногда даря вещам, которые собирались в вояж, облачаясь в хрустящий пиджак.

Она любила вещи. В их форме, в ощущении, которые они дарили рукам, в их тяжести, шершавости, теплоте, пыльном приятном запахе, от которого в носу заходились песнями кузнечики, Варя грезилась рифмованные строчки, огранкой которых она с удовольствием занималась.

За каждым предметом здесь стелился шлейф истории. Когда Варя первый раз сюда попала – по чистой случайности, соблазнившись прохладой маленького захламленного помещения в необычную для Питера жару – у неё закружилась голова. Именно тогда поэтический дар девушки взорвался, как оживший вулкан.

Голова до сих пор кружится, а каждой вещи были даны имена. Прикасаясь к ним, Варя чувствовала, какая плыла морем, какая путешествовала в огромной стальной птице, а

какая считала перекрёстки.

В этот день она дала поэтическое напутствие ещё трём предметам. Два были продолжением «лукового пажа», одно – второй строфой «тихого пламени», стиха, который начинался со строк: «Когда ты бросишь бродить по своим мирам – вспомнишь ли ты, кто в белом замке король?»

Гецель надписей не видел, но даже если бы обнаружил одну, ему было бы наплевать. Дело старика – считать деньги, а чтобы без конца ворчать, и повода-то не нужно.

К вечеру Гецель утопал по своим делам, как всегда, оставив девушку за прилавком. Через десять минут после его ухода в переулке послышался звук мотора.

– Варвара Савельевна? – спросили с той стороны, тактично постучав в окно.

– Да, да, заходи скорее, – Варя выпорхнула наружу, как всегда, споткнувшись на ступеньке, придержала Мишке дверь. Колокольчик звонил всё время, пока молодой человек заносил внутрь коробки. Закончив, он с улыбкой посмотрел на девушку и вытер лоб.

– Сегодня много.

– Сама вижу. Что там?

Мальчишке было девятнадцать, то есть на два года меньше, чем Варе. Звал он её неизменно по имени-отчеству, всегда робел, несмотря на то, что был на целую голову выше, обладал широким, вполне взрослым лицом с квадратным подбородком, окаймлённым пушком, и вечно нестриженными,

лохматыми, как у ирландца, волосами.

У него была «четвёрка» с кузовом, на которой парень развозил по окрестным магазинам тысячи разных вещей, от хлеба и до белых мышей для зоомагазина возле Чёрной речки. Он работал как вол, но при этом обладал редким даром появляться у «Лавки старьёвщика», когда не было хозяина.

– Как всегда, – Миша пожал плечами и несмело улыбнулся. – Хлам всякий.

Он сделал неловкий комплимент:

– Я каждый раз поражаюсь, как у вас... у тебя глаза зажигаются. Того и гляди, прихватишь и мою машину, чтобы продать её какой-нибудь старушке, как сарай для картошки.

Он посмеялся, но, видя, что шутка не произвела на Варю никакого впечатления, примолк. На квадратном лице читалось: наверное, я слишком молод. Ты любишь всё, что пахнет пылью, а я... я пока полон жизни и всё ещё чувствую на губах молоко матери.

Но он был прав только отчасти. Варя не любила людей. Совсем.

– Тебе пора, – сказала она.

Расписавшись в бумагах, она вытолкала паренька за дверь. Предстояло много работы. Она буквально слышала, как там, под мятым картоном и пупырчатой плёнкой, ворочаются чудеса. Нож для бумаг споро вскрыл клейкую ленту. Доставая каждый предмет из упаковки, Варя вертела его в руках, разглядывая и пытаясь угадать обстановку, в которой

он почувствовал бы себя лучше. Воссоздавала в голове давно прошедшие времена. Она не знала, где Гецель находит эти вещи, да и не хотела знать. Вкус старику пока не изменял – как и проверенные поставщики.

Всё это, за редким исключением, конечно, не пойдёт сразу на прилавок. Кое-что сначала отправится к реставратору и оценщику – несмотря на опыт, хозяин лавки всегда советовался с нужными людьми, а рукам не доверял... по крайней мере, так, как предпринимательской жилке.

Сверясь со списком, Варя выложила на прилавок всё, вплоть до нескольких литовских марок и двух старинных монет в пластиковом контейнере, и только после этого определила для себя фаворита. Это испанский патефон Sonneli, упакованный отдельно, в коробку, на которой размашистым почерком написано имя. Блестящий, в меру потёртый, он смотрелся, как лучший на свете подарок на рождество. Похоже, Гецель уже нашёл на него покупателя. Варя достала с верхней полки журнал и проверила: имена совпадали. Господин Каримовский должен подойти сегодня перед закрытием, как раз к тому времени, когда обещал вернуться старик.

– Нарекаю тебя ягодным деревом, – провозгласила она так громко, что в вентиляции завозились голуби. Патефон смотрел на неё несколько удивлённо, в окружении высыпавшихся из пенала простых карандашей разной длины и жёсткости, словно принесённых половодьем древесных стволов. Варя рассмеялась. Глубоко в трубе застрял комок коричне-

вой обёрточной бумаги; она подцепила его двумя пальцами и, чувствуя себя диснеевской принцессой, мило болтающей с предметами своего туалета, сказала:

– У меня есть для тебя пара строчек. Как тебе понравятся, например, эти: «Под деревом тень – обернётся скоро звуком дождя»? Не знаю, какую мелодию на тебя водрузит твой новый владелец, но даже если она будет не очень, останутся мои стихи.

Крякнув, она взяла патефон и унесла его в каморку. Всё было уже готово: вода в стакане, набор кистей, тубик с краской, синяя лампа... которая едва не выскользнула из рук девушки, как только синий блик сверкнул в раструбе патефона.

– Что... – сказала себе Варя. Сначала она подумала, что у неё галлюцинации. Что мстительный старик, который, как иногда казалось девушке, никак не мог найти повода, чтобы её уволить, подмешал что-то в кофе.

Дрожащими руками она подняла лампу повыше. Провела языком по губам, отвела за ухо прядь волос, прислушалась к своим ощущениям. Нет, голова не кружится, в висках не стучит. На крышке под латунной табличкой с заводом-изготовителем кто-то написал:

Здесь холодные замки пусты,
Стены ровные вечера просят,
Тени бродят среди темноты,
Молодильные яблоки носят.

Краска почти такая же, как из баночки с ультрамариновой этикеткой «Noris colour». Разве что, чуть потемнее оттенком. Холодные замки... кто мог такое придумать? Кто мог так щедро отдать пыльному музыкальному проигрывателю целое четверостишие? Оно необыкновенно точно подходило к строгому контуру патефона на стене. Варя буквально чувствовала, как коршуном упал на крепостные стены вечер, как бойницы разглядывают из-под лохматых бровей плюща дальние горы...

Справившись с первым потрясением, она изучила почерк. Лёгкий, как танец мотылька, невероятно похож на её, но чутьточку другой. Завиток у «б» вот, к примеру, совсем не такой. Будто хвост у лисички. Варя никогда бы так не смогла. А запятые, целомудренные закорючки с маленькой, размером с игольное ушко, дырочкой в середине, точь-в-точь такие, как научила её когда-то рисовать старшая сестра.

Но главное, конечно, не почерк, а сам стих. Вынув из сумки блокнот, Варя торопливо переписала его, неосознанно копируя наклон букв. Он совершенен. И так хочется знать продолжение. Кто же его написал?

– Его вполне могла написать я, – призналась себе девушка после недолгих колебаний.

Лет через двадцать... вполне возможно.

Девушка бросила взгляд на часы (огромные, с кукушкой, как и полагается часам в антикварной лавке), подскочила на

месте. Скоро вернётся старик, а за это время нужно...

Нужно узнать правду.

Она перетащила все доставленные Мишей коробки, зажав рукоять лампы под мышкой, внимательно изучила каждый предмет. Стихи обнаружили ещё на нескольких. И на одном, на серебряном подносе в стиле барокко, продолжение стиха про замки. Варя ударила раскрытой ладонью по столу. Коллекция винтажных бокалов возмущённо загудела. Так, значит. Кто-то решил поиздеваться! Она была уверена, что никто не знает о маленьком хобби, но и здесь нашёлся пересмешник.

И всё же что-то не сходилось. Тому, кто способен извлекать из себя замечательные строки – какое дело до неё, неловкой, замкнутой девицы без каких бы то ни было амбиций?

Подняв брови, Варя изучила другие стихи. Где-то пара интригующих строк, где-то целые строфы. Она достала сотовый и, покопавшись в телефонной книге, нашла номер Миши. Он ответил сразу, голос звучал радостно.

– Поклянись, что будешь со мной честен, – потребовала она.

– Да, я... конечно... а что?

– Ты же не пишешь стихов?

– Подожди, солнце моё... – было слышно, как с шорохом плывут его руки по баранке, как щёлкает поворотник, и вот наконец глохнет мотор. Михаил глубоко вздохнул. – Прежде

всего, прости, что я назвал тебя солнцем. Только что. Оговорочка вышла. Вернее, не оговорочка, но...

Он запутался.

– Стихи, – холодно напомнила Варя.

– А, да. Хочешь, чтобы я написал для тебя стих? Я никогда не пробовал, но мама говорила, что во мне в любой момент могут открыться неожиданные таланты. Правда, она имела ввиду, что я вдруг могу полюбить шпинат и оставить без салата гостей, но...

– Понятно, – сказала Варя. – Тогда второй вопрос, слушай внимательно. Откуда ты забрал эти коробки?

– По-разному. Одну из «Нумизматики», другую «У Зулу-са», третью передал дядя Захар, то есть вышла его жена, а сам он, похоже, снова в дрова.

Варя ничего не понимала.

– И при тебе их никто не открывал?

– Нет. Всё собрал за утро и сразу поехал к вам. Нигде не останавливался.

– Я поняла, – сказала Варя и отключилась.

Все посылки из разных мест. Их ничего не должно связывать.

– Кто это сделал? – спросила она громко. – Ты за мной следишь?

Она готова была расцарапать лицо любому, кто сейчас подал бы голос. Но воздух по-прежнему неподвижен. Только по крыше вдруг застучал резкий, каркающий дождь.

Последующие дни Варя пребывала в депрессии. Она приходила на работу вовремя, но в обеденное время подолгу сидела, глядя на прежде родные вещи, как потерявшаяся в лесу собака на окруживших её волков. Ей казалось, будто её предали. Даже Гецель заметил перемены. Варя прекратила с ним препираться, работала безропотно, погрузив голову в грозовые тучи и будто спустив свои руки с поводка.

В это время у них было много клиентов. Заурядные туристы с глазами цвета Невы, сумасшедшие коллекционеры научных часов и музыкальных инструментов, старушка, перепутавшая «Лавку старьёвщика» с аптекой и неспособная отвести взгляд от фарфорового чайника с гжелью. Июль и август обычно дохлые месяцы, и только сентябрь немного разгонял кровь в их финансовых отчётах. Но середина лета в этом году – нечто особенное. Гецель листал каталоги, как сумасшедший. Брал трубку и звонил коллегам, подолгу отсутствовал, два раза выбрался в командировку в Москву, а один раз – в самый, что ни на есть, Ярославль за какой-то редкой картиной. В глазах у него Варя видела свирепый огонёк.

На этой картине, проложенной для надёжности толстыми листами картона, на обороте Варя тоже нашла стих, скрупулёзно занеся его в общую тетрадь. Ещё один нашёлся на подставке подсвечника, изящного и похожего на печальную леди, горящую на могиле своего принца. Текст бежал по спирали, буквы так плотно лепились друг к другу, что в некоторых местах Варя едва разбирала написанное.

...и не иметь корней
медленно отовсюду
взгляды свои беречь
в тихом уходе ветра
мысль заставляет течь
реки на север с юга
между страниц найти
верный тебе цветок.

Неведомый поэт творил с лёгкостью падающего пера, и каждый предмет, которого он достаивал своим вниманием, обретал какой-то особенный смысл.

Однажды воскресным вечером она взяла под мышку тетрадь (где чужих стихов набралось уже порядочно) и пошла в тесное полутёмное кафе, где, усевшись за круглый столик, заказала себе пиццу и зелёный чай. Народу немного. На сцене, сменяя друг друга, человечки с пропитыми, скорбными лицами декламировали стихи, читая их с экрана телефона, смятых бумажек или, в редких случаях, по памяти. Уходя со сцены, они нарочно медлили, лелея беспочвенные надежды, что в жидкие аплодисменты кто-нибудь закинет пару бульонных кубиков, но в конце концов покидали свой низенький олимп. Варя сидела к ним боком и смотрела в свою кружку, до тех пор, пока не услышала, как стул напротив отодвигается и кто-то ставит на стол чашку. Поверхность кофе идёт круга-

ми; там отражается вытянутое лицо с длинными волосами и тонкими, кажется, всегда презрительно искривлёнными губами. Молодому человеку на вид лет тридцать. Как и Варя, он не выходил на сцену и ни разу не поднял рук для оваций.

– Чего пришла? – спросил он без приветствия. – Захотелось зарифмовать «водку» с «селёдкой» или лизнуть кому-то задницу?

Не дождавшись ответа, он спросил:

– Сколько человек знает, что ты неплохо пишешь?

– По-прежнему только ты, – девушка сделала паузу. – Хочу показать тебе кое-что.

Она пододвинула к нему тетрадку. Брезгливо взяв её за уголки длинными пальцами, напоминающими паучьи лапки, гость погрузился в чтение. Брови его поползли вверх, к чистому лбу.

– Мысль заставляет течь реки на север с юга, – сказал он, – где ты этого набралась?

– Можно потише? – попросили со сцены.

– Нет! – рявкнул длинноволосый, не оборачиваясь. – Я нашёл в груди фекалий настоящий самородок. Как вы думаете, могу я потише?

И снова:

– Какой кошмар! Не ожидал, что ты так быстро вырастешь. Не хочешь прочитать что-нибудь этим плебеям?

Варя покачала головой. Закурила. Руки у неё ощутимо дрожали.

– Я мог бы пристроить это в пару журналов. Одно произведение туда, другое сюда... «Огни Петербурга» печатают сборную солянку на третьей полосе, так почему бы не добавить туда немного мяса?

– Не сейчас, – сказала она. Вырвала тетрадь у мужчины. Тот не опускал рук, словно продолжал держать что-то невидимое, а потом с досадой щёлкнул пальцами. – Нужно бежать.

Она ушла, трепеща от досады.

«Что ты ожидала услышать?» – спросила себя девушка, вдыхая вечерний воздух, разбавленный ароматом сирени Петроградской стороны. Ты и так знала, что эти стихи совершенны. Кто-то украл твою жизнь... но так изящно, что невозможно было не восхититься. Это, последнее творение – найдётся ли ещё человек, чувства которого оно затронет так же глубоко?

Дома была пробковая доска с набором разноцветных стикеров, из которых, записывая по одному-два слова на каждом цветном квадрате, Варя составляла свои личные маленькие откровения – так ребёнок складывает из кубиков что-то осмысленное. Она не подходила к письменному столу две недели, а последний стих так и висел незаконченным.

Идя домой, Варя повторяла про себя: «...и не иметь корней... взгляды свои беречь...». Похоже на далёкий гром, отголоски миновавшей когда-то давно грозы, которая шепчет: «Я вернусь... однажды я непременно вернусь». И Варя не

знала, верить ей или нет. Этот стих, казалось, имел непосредственное касательство к чему-то сокровенному, в чём она, в общем-то, довольно скрытная натура, боялась признаться даже себе.

Попахивает паранойей. Стиснув кулаки, Варя свернула к лавке под броским названием «У Зулуса», где провела почти час, пытаясь выяснить, не подумал ли кто из его работников поиздеваться над скромной поэтессой. Но ни старичок-нумизмат, работающий у Зулуса на полставки, ни сам Зулус, странный молчаливый узбек с глазами навывкате, не поняли её претензий.

Придя в лавку на следующее утро, она узнала, что подсвечник, похожий на печальную леди, с курьером (тем же самым Мишкой, который хватался за любую работу и парадоксальным образом везде успевал) отправился покупателю. Это отнюдь не первый предмет с чужой подписью, который нашёл себе хозяина, однако стих на подсвечнике так глубоко тронул Варю, что она взволновалась – ровно кошка, обнаружившая пропажу котёнка. Дождавшись, когда Гецель отправится на обед, она вновь полезла в журнал, переписав оттуда адрес. Всю ночь провалялась без сна, а на следующий день взяла выходной, чтобы сесть на метро и, сверяясь по бумажке, найти в частном секторе нужный дом.

Красный его кирпич удачно сочетался с белыми колоннами, необходимыми, кажется, только для того, чтобы поддерживать две больших кадки с цветами на балконе. По четы-

рѣхскатной крыше ветер гонял дубовые листья – перхоть с плеч коренастых стариков, что росли в округе в изобилии. Сад весь зарос, невысокий забор покосился. На подъездной дорожке стояла старая «Волга». Тем не менее Варя, понаблюдав с полчаса, решила, что дома никого нет. Он выглядел так, этот дом... как старый хорѣк, вознамерившийся поймать в траве жука, но уснувший посреди охоты. Варя умела чувствовать такие вещи. О них были её стихи, и хоть стихи она больше не писала, была уверена, что дар ещё при ней.

– Я собираюсь стереть с лица земли мозгоблудие этого гада, – сообщила она собаке, мордастому мастифу, что спокойно бегал по участку и искал что-то в крапиве. На нём был ошейник, но не было цепи. Задумавшись, Варя повисла на заборе, свесив руки на ту сторону, и очнулась от ощущения мокроты: собака, почуяв запах сосиски в тесте, которую девушка съела на завтрак, облизывала пальцы. На макушке её сидела большая божья коровка. Варя решила, что пѣс её не выдаст, и перелезла через забор.

Сопровождаемая новым своим мохнатым приятелем, она нашла незакрытое окно, снабжѣнное москитной сеткой, и, аккуратно её вынув, проникла внутрь.

– Ну и бардак, – сказала она нарочито громко. Пѣс гавкнул. Гардины цвета морской волны колыхались, собирая пыль и облизывая обутые в «найки» ноги. В щелях меж досок пола благородно-шоколадного цвета, кажется, угнездились настоящий лес, который ринется расти, стоит закрыть гла-

за. Варя прошла на цыпочках, пытаясь влиться в новую обстановку. Не смогла. Что-то выталкивало её наружу, будто она была ртутью, которую кто-то попытался смыть в унитаз. Где-то рядом притаился враг, который может причинить вред не её телу – но её мировоззрению. Может, под столом, где за стенами грязной скатерти, свисающей почти до низа, копошились тени? Или в подтёках на посуде? В форме крапа, старого и больше подошедшего квартире на верхнем этаже викторианского особняка в Лондоне, детищу чьих-то не слишком прямых рук и внуку злобной тётки – Экономии-На-Всём?

Она представляла свои стихи в доме-музее, где безликие работники раз в день совершают обход с ёршиком для пыли, а в кресле-качалке качаются только призраки... но здесь всё не так. Кажется, на каждом предмете можно разглядеть отпечатки пальцев.

Она помотала головой, сгоняя наваждение. Огляделась, вскрикнула: «Вот ты где!». Подсвечник стоял в соседней комнате, дверь в которую была открыта и, кажется, вообще не закрывалась, так как косяк здорово деформировало. Здесь письменный стол, похожий на парту советского образца, заваленный какими-то бумагами. На ровной и более или менее чистой его поверхности и покоился подсвечник. Во всех трёх его розочках торчало по оплавленной свече, всё вокруг закапано воском. Варя нервно потёрла запястья. Им пользуются? Но зачем? Протянув руку, она щёлкнула вы-

ключателем. Ничего. Нет электричества?

Что ж, тем лучше. Девушка сложила руки на груди, бросила задумчивый взгляд в окно, где маячили уши пса, который обежал дом по кругу, чтобы последовать за ней. На широкой ножке бляшки воска, ещё немного, и надпись невозможно будет разглядеть. Она останется только в общей тетради... и Варя сегодня же вымарает её, вырвет и сожжёт в раковине лист целиком, а потом смочет пепел.

Ничего не останется!

Торжество смял ветер, который рванулся откуда-то из-под софы и разогнал пелену перед глазами. Здесь много вещей; спасаемые коллекционерами, такими как Гецель, из подвалов и захламленных гаражей, эти свидетели прошедших эпох должны были прожить оставшееся время в почёте и уважении, но, конечно, *не так*. Варя увидела литовский радиоприёмник, который самолично продала пару месяцев назад. Прежде чистенький и блестящий, он походил на печального старого медведя в зоопарке, носа которого считал своим долгом коснуться каждый посетитель. На одном из его торцов, словно на далёкой чужой планете, она когда-то оставила свои поэтические следы. Конечно, от надписи ничего не осталось – настолько приёмник выглядел захватанным.

Все предметы имели здесь сугубо утилитарную функцию. Серебряными ложками ели, по часам сверяли время, дверную ручку с головой быка со вдетым в ноздри кольцом приспособили к двери в ванную, книги читали, а в старинных

банках из дутого стекла, с гравировкой, хранили консервы.

В глазах Вари дрожали слёзы узнавания. На многих из этих вещей она оставила послания для вечности, и, похоже, что ни одно не пережило даже следующий день. «Глупо так убиваться из-за какого-то старья», сказал бы ей Миша, робко погладив по волосам. А Гецель бы, сверившись с документами в сейфе, сказал: «Деньги уплачены вперёд и в полном объёме». Но ни того, ни другого рядом не было, и Варя продолжала плакать.

Она не заметила, как гавкнул мастиф. Его хвост очерчивал щедрую дугу. Открылась дверь, и только теперь Варя принялась лихорадочно метаться, ища укрытие. В дверях она нос-к-носу столкнулась с хозяином.

– Ай! – сказал мужчина, отшатнувшись и закрывая лицо руками. – Кто вы?

Утерев рукавом слёзы, Варя уставилась на вошедшего. Это господи в летах, упакованный, как в чемодан, в драповое пальто с петлицами на плечах и огромными чёрными пуговицами. Кажется, его не смущала относительная (для Питера) жара на улице. В руках авоська с хлебом и несколькими жёлтыми яблоками, которые, воспользовавшись заминкой, сбежали через прореху. На голове фуражка, а на носу большие прямоугольные очки, делавшие его похожим на редкое насекомое. За одеждой трудно было разглядеть человека, и чуть позже Варя сформулировала для себя эту мысль: его попросту не было. Это человек-невидимка, такой как его могли

бы показать в советском фильме. Бледная, почти прозрачная кожа, жидкие седые волосы, зачёсанные назад, козлиная бородка, безвольно открытый рот. От такого стараешься поскорее отвести взгляд, потому что боишься, что несчастье, которое плотно и давно им завладело, может одним решительным броском преодолеть расстояние между вами.

Он сидел на полу в прихожей с таким видом, будто Варя его толкнула; девушка не помнила, чтобы поднимала руки. К брюкам прилипла пыль и тополиный пух, хотя все тополя давно уже отцвели. Словно он, шагая по ступеням крыльца, с каждой преодолевал по неделе.

– Простите, – сказала она. – Я не хотела вас напугать.

– Вы в моём доме.

Подтянув колени к животу, мужчина попытался поправить покосившиеся очки, но руки его не слушались.

– Уходите, – сказал он плаксиво.

Что-то шевельнулось в груди. Варя смотрела на самого несуразного на свете человека. Хотелось высмеять и пожалеть его – одновременно. Напоминал коробку, полную тупых канцелярских кнопок.

– А как мне лучше уйти? Через окно, как пришла, или можно уже через дверь?

– Как хотите.

Его звали Павлом Артёмовичем – Варя знала это из журнала. Это единственный человек с таким отчеством, с которым она имела честь быть знакомой, и они на все сто подхо-

дили друг к другу.

Вопросы сыпались, как рис из дырявого мешка:

– Чем вы занимаетесь? Когда я ехала сюда, то думала, что вы обычный коллекционер. Как все. Зачем вам эти старые вещи? Ведь можно же купить всё, что необходимо, в магазине. Гецель, как и все остальные, дерёт за любую из этих безделушек три шкуры.

Начиная говорить, Варя думала, как он смешон и жалок, но закончила, чувствуя, как в груди закипает кровь. Неловко елозя, старик выползал из пальто. Фуражка упала с головы и лежала у правой руки, напоминая коровью лепёшку. Наблюдая за неловкими движениями, девушка презрительно сказала:

– Это ценности, а вы, похоже, даже не знаете, как обращаться с антиквариатом.

Выставив вверх лицо с болезненно подрагивающим подбородком, старик хрипло ответил:

– Если ты из полиции по защите и моральной поддержке всякого старья, пожалуйста, предъяви-ка свой значок, корочки, или что там у тебя есть.

Варя почувствовала себя не в своей тарелке. Впору вспомнить, что она влезла в чужой дом.

– Я всего лишь работаю в антикварном, – сказала она примирительно. – В «Лавке старьевщика» на Красносельской.

Из горла мужчины вырвался блеющий смешок. Потом он закашлялся и вдруг уставился на неё с отчаянной мольбой.

– Слушай, девочка. Я серьёзно болен. Разве не заметно? Я не могу общаться с людьми. Каждый раз, когда прикасаюсь к кому-нибудь или даже просто подхожу близко, мне становится дурно.

Варя подумала, что неплохо было бы исчезнуть прямо сейчас, пока дело не приняло непоправимый оборот, но вместо этого опустила на корточки, так, чтобы её глаза оказались на одном уровне с глазами мужчины.

– Это какое-то душевное заболевание?

– Скорее, физическое. Меня бьёт током. Каждое прикосновение для меня болезненно.

Девушка фыркнула. Просто не могла себя сдержатъ.

– Вот охота вам так из-за этого париться. Я вообще не люблю людей. И когда меня трогают, не переношу. Так что мы с вами в какой-то мере нашли друг друга. Можем сидеть по углам и болтать. Хотя я, наверное, всё-таки пойду... как только дождусь ответа на свой вопрос.

Она кивнула на авоську с покупками.

– Как вы в магазин-то ходите?

Голова на тонкой шее качнулась.

– Кое-как. В ларьке на углу меня все знают. Сначала я кладу деньги на прилавок и отхожу, а потом Марина Васильевна кладёт туда же сдачу и нагружает пакет. Она милая девушка. Думает, наверное, что в один прекрасный момент, когда она отойдёт, я схвачу пачку жвачки и убегу. Она знает, что прежде чем войти, я долго стою у входа, пока не удостове-

рюсь, что кроме меня и неё в помещении никого нет. Чем больше людей, тем... словом, колотит так, что сердце из груди выпрыгивает. О поездке в транспорте вообще можно забыть.

– А что врачи говорят?

– В поликлинику я не хожу. Вообще никуда не хожу. У меня есть компьютер, и... и... – он огляделся по сторонам, – моё маленькое гнёздышко. Абсолютно, как я думал до сего момента, безопасное.

– Извините уж, – без сожаления сказала Варя. – Но у меня был повод сюда прийти. Один человек меня очень обидел.

– Надеюсь, не я? – Павел Артёмович сжался.

– Не вы. Я даже не знаю кто. Скажите, зачем вы покупаете все эти вещи? Они не дешёвы. И, если хотите начистоту, своё уже отслужили. Это символы прошедшей эпохи, – она нашла глазами советский флаг на стене. – Разве этим серпом жали, а молотом забивали сваи?

– Отнюдь, – несмелая улыбка на губах хозяина вызвала у Вари желание возмущённо сплюнуть. – Они ещё могут послужить на благо человека, и под этим «человеком» я имею в виду себя. Эти руки очень чувствительны, что совершенно точно связано с моей болезнью.

Он с пристрастием изучил свои ладони, будто ожидал, что линия жизни превратится из едва заметной бороздки в овраг.

– Когда в них оказываются старые вещи, я ощущаю при-

косновения других людей. Все, кто когда-либо их касался, будто каким-то образом касаются моих рук. Они давно умерли, но... всё ещё живут в вещах и предметах, когда-то служивших им верой и правдой.

Он приподнялся, чтобы взять стоящий на комодe фотоаппарат. «Ленинград», – прочитала Варя. Это вещь не из их магазина; Гецель не любил фотоаппараты и кинокамеры, считая, что с ними слишком много возни.

– Один мужчина владел этой камерой. Он фотографировал птиц. Он снял их так много, что камера сама научилась спускать затвор в наилучший момент. Поэтому его кадры выходили такими живыми и волнительными. Он просто целился, и всё. Ловил в объектив очередную птаху и ждал, стараясь чтобы не дрожали руки. Всё остальное делала камера. По крайней мере, ему так казалось. Он называл её: «Кошка с острыми коготками».

Павел Артёмович отложил камеру в сторону, потянулся и с видом фокусника извлёк из пространства между комодом и кроватью чугунный утюг. Засмеялся:

– Вообще-то, я редко глажу одежду. Перед кем красоваться? Да и раскалить его – настоящая проблема. Но я люблю держать этот утюг в руках. Посмотри, какая гладкая ручка! Многие и многие гладили его, полировали прикосновениями. Одна женщина, за неимением горшка, выращивала в нём помидоры.

Он откинул крышку и показал Варе полость, куда должны

загружаться угли.

– До сих пор пахнет землёй. Она потом думала, что именно благодаря этому уюту она и её дети остались живы в голодный тридцать третий. Это, скорее всего, не так, но люди – странные создания. Посмотри хотя бы на меня... Та мадам всегда его с собой потом таскала. И на базар, и за водой, и рядом с постелью своей ставила. Чудно, правда? Её за это прозвали прачкой, хотя к стирке и глажке она имела не больше отношения, чем любая другая женщина. Потом, когда она умерла, уют продали. Спустя десять лет какой-то молодой человек на спор ставил его себе на живот и лежал так сутками.

– И что выиграл? – спросила Варя. Кончик её носа зудел от любопытства.

– Поцелуй прекрасной дамы, что же ещё, – сказал старик, покачав головой. – Во все времена парни были полны самых безумных идей ради сущей малости – касания губами о губы.

– И вы всё это видите?

– Не глазами. Скорее, чувствую. Картинка возникает в моей голове, как слайд.

– Расскажите ещё что-нибудь, – попросила Варя. Ноги затекли, и она вытянула их, больше не замечая, что к джинсам пристаёт пыль.

Павел Артёмович потёр брови – на пальцах остались мокрые следы. Очки сползли на нос.

– Вообще-то тебе пора. Я пока держусь, но это всё труд-

нее. Зубы ноют; между ними будто искры проскакивают.

Девушка переполошилась.

– Что же вы сразу не сказали? Значит, вам больно даже когда мы друг от друга так далеко?.. Я уже уйду.

– Не сказал, потому что шанс поговорить с живым человеком по душам мне выпадает не так часто. Я бы угостил тебя чаем, но боюсь, ещё пять минут, и моя голова взорвётся как тыква.

– Если вы не врётё и всё это было на самом деле – у вас дар, – серьёзно сказала Варя. – Хотела бы я обладать чем-то отдалённо похожим.

– Нет, девочка, тебе это не нужно. Все эти люди давно отжили своё. Их история застыла в куске янтаря. Вокруг тебя столько живых сердец! Почему ты их игнорируешь? Потрудишься узнать их получше – и у тебя будут тысячи историй. Ты сама станешь непосредственным их действующим лицом.

Бросив взгляд в окно, Варя пожалала плечами.

– Узнать получше? Всех этих? Сложно найти во вселенной столь же непоследовательных, недалёких существ. Как себя с ними вести? Сегодня они помнят о тебе – завтра переспрашивают имя, когда ты им звонишь.

Будто что-то для себя решив, девушка шлёпнула ладонью о ладонь.

– Вещи не такие. Они постоянны, и каждая несёт свою функцию, гордо, как знамя – в течение всей жизни, пока не рассыплется в прах. Вы так не считаете? С некоторыми я на-

училась общаться на своём, особенном языке. Не на таком, как у вас, и, если честно, я всё-таки завидую вашему дару...

– Я общаюсь не с вещами, – напомнил старик. – Вещи – просто вещи. Я общаюсь с людьми.

Без всякого пиетета вернув утюг на место, он хитро сощурился.

– Что всё-таки сделал человек, который тебя обидел?

Губы Вари сжались, напомнив крошащийся бетон.

– Отнял у меня смысл жизни.

– Да уж, – старик покачал головой. Девушка заметила, что капельки пота на его висках потекли вниз ручьями. – Ты производишь впечатление на редкость бессмысленной особы.

– А не пошли бы вы, – беззлобно сказала она. – Может, этот смысл был мне не больно-то и нужен? Может, я выбросила его, как обёртку от мороженого, и пошла дальше?

– Что ж, тогда – счастливого пути, – прокряхтел старик.

Всё так же сидя в углу, он смотрел, как девушка открыла окно и, сев на подоконник, перекинула ноги на ту сторону. Сразу же материализовался пёс, который, фыркнув, уткнулся мордой Варе в бок. Она засмеялась и отпихнула его голову. Из травы во все стороны прыгали кузнечики. Небо затянуло облаками: кажется, будет дождь. По дороге, объезжая припаркованные машины, носилась на самокатах малышня, за ними наблюдала, поставив между ног большую коричневую сумку, полная женщина преклонного возраста. В крашенных её волосах Варя разглядела затерявшуюся там бигу-

ди. Подумать только... сотни, тысячи людей встречаются ей ежедневно на улицах, и у каждого есть пара-тройка историй. Просто ли заполучить их в своё пользование? Обратить этот ребус в стихотворные строчки? Едва ли. Особенно, если не иметь корней. Если парить над землёй тополиным пухом, скользя по ней равнодушным взглядом.

«Мысль заставляет течь реки на север с юга», – вспомнила Варя. Старые стихи ей больше не нужны. И те, другие, написанные загадочным пакостником, тоже. Наступает время для новой поэзии и новых историй.

Она повернулась лицом к дому и, сложив ладони рупором у рта, крикнула:

– Я ещё вернусь! Вернусь, и мы поговорим как следует!
Ведь нужно же с кого-то начинать?

Июнь 2016